

Клара Штайн

Семиотические стереотипы в историческом дискурсе

Studia Rossica Posnaniensia 30, 73-78

2002

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

СЕМИОТИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

SEMIOTIC STEREOTYPES IN A HISTORICAL DISCOURSE

КЛАРА ШТАЙН

ABSTRACT. A semiotic approach in the description of history is connected with the issue of discourse. The aim of traditional history is to state the cause-and-effect connections between the facts and events. Contrary to the research in narrative history, all the aspects of described events, such as social background, life conditions, traditions etc. are the subject of historic research in semiotics. Semiotic history defines the forms of connections between events and facts, as well as a semiotic character of events and historic reality.

Клара Штайн, Ставропольский государственный университет, Кафедра русского языка, ул. Пушкина 1, 355012 Ставрополь – Россия.

Понятие истории обычно связывается с последовательностью событий. Тип текста – нарратив, характеризующийся линейностью, основанной на синтагматических связях и отношениях (синоним – понятие исторического процесса).

В середине XX века в связи с распространением семиотики, науки о знаковых системах, возник иной подход к освещению и объяснению исторических событий – семиотический, связанный не с рассмотрением последовательности исторического процесса, а с исследованием определенных относительно стабильных (синхронических) периодов, которые рассматриваются вглубь, „археологически”. Историк при этом снимает слой за слоем, анализирует их взаимодействие, каждый раз получая новую картину, накладывая их одну на другую. При этом в дискурсе, в системе последовательных срезов (и на каждом из них) возникают новые типы взаимоотношения между определенными фактами и событиями – парадигматические.

Семиотический подход к исследованию истории обобщен в исследованиях М. Фуко, в частности, в работе *Археология знания*. „Почти одновременно, – пишет М. Фуко, – во всех тех дисциплинах, которые мы привыкли объединять

под именем «история» – история идей, науки, философии, мысли и литературы (особенностями в данном случае можно пренебречь), смещается фокус внимания, и исследователи переходят от описания широких общностей («эпохи» или «века») к изучению феномена разрыва”¹.

Традиционная история видела задачу определения отношений, причинных связей между фактами и событиями, главным было уточнение места элемента в установленных рядах. С появлением семиотики задачи изменились: важным стало определение элементов ряда, их „установление и переустановление”, рассмотрение типов и соотношений между элементами с целью создания некоей „матрицы”. Но структуры, определенные повторяющиеся стереотипы не самоцель исторического дискурса. На основании устойчивых, инвариантных структур, относительно них определяются границы процессов, точек „изломов”, нарушений привычного хода вещей, разрывов причинно-следственных связей, „амплитуды колебаний”, порогов функционирования. „В конечном счете, – пишет М. Фуко, – она (прерывность – К.Ш.) может быть просто понятием языка историка, тем, что скрыто организует его дискурс. В самом деле, разве смог бы историк говорить, не будь разрыва, который бы представил ему историю и свою собственную, в том числе, как объект?”².

Отсюда противопоставление „глобальной” и „тотальной” историй. Глобальная история связана с освещением исторического процесса. Тотальная история – история семиотическая, она выясняет формы отношений между рядами фактов и событий как знаковых систем, а также устанавливает их вертикальные связи. Исследователями вводится понятие уровней описания и соответствующих элементов, разрабатывается стратификационный подход.

Методология истории и семиотический ее дискурс становятся связанными с проблемами, лежащими вне ее пределов – в области лингвистики, этнологии, экономики, литературного анализа, теории мифа. Сам М. Фуко, с некоторыми оговорками, замечает, что „весь этот проблемный круг при желании можно обозначить ярлыком структурализма”³.

Важно отметить, что данное направление исследования определяется как выкристаллизовавшееся из „нарративной” (традиционной) истории: в поле истории вычлняются различные „осадочные пласты”, а линейные последовательности замещаются „глубинными структурами”.

В самом деле, дискурс каждого большого историка основан на синтагматических связях (они доминируют), но имеется и парадигматический, стратификационный подход, который позволяет рассматривать определенный период времени последовательно, но уже вглубь. Так, В.О. Ключевский, говоря об *Истории России с древнейших времен* С.М. Соловьева, подчеркивает нарративный подход в дискурсе: „Настойчиво говорил и повторял он, где нужно,

¹ М. Фуко, *Археология знания*, Киев 1996, с. 8.

² Там же, с. 12.

³ Там же, с. 14.

о связи явлений, о последовательности (подчеркнуто нами – К.Ш.) исторического развития, об общих его законах, о том, что называл он необычным словом – *историчностью*⁴ (курсив автора – К.Ш.). Обратим внимание на термин *общие законы*, который подчеркивает установку на повторяемость, систему противопоставления в общих связях и отношениях, то есть на парадигматику.

Построение дискурса С.М. Соловьева относительно единообразно. Каждой главе своей *Истории...* он предписывает, как бы мы сейчас сказали, фрейм, который подтверждает, что внешнему течению описания глобальной истории сопутствует в каждом конкретном периоде (в системе „прерывностей”) стратификационный подход, то есть осуществляется проникновение в глубины истории, постепенное снятие слоев, напластований и покровов конкретного исторического периода.

Так, главе первой томов 13–14 (кн. VII, *Россия перед эпохой преобразования*) предшествует такая структура: „Общий обзор хода древней русской истории. – Различие Восточной и Западной Европы. – Природа Северно-Восточной России. – Москва, ее характер. – Великий государь. – Стучай, когда он явился перед подданными. – Выходы и походы. – Семейные торжества...”⁵. Историк идет от общих посылок все вглубь и вглубь, постепенно конкретизируя исследуемый период, забираясь в самое его сердце, обнаруживая слабые точки, конфликты, давая систему событий, которые являются источниками „прерывности”, нарушают стабильность периода. Можно дать фрейм, состоящий из слотов, последовательно конкретизирующих исследуемый С.М. Соловьевым период русской истории: <общий ход истории>, <различие Восточной и Западной Европы>, <природа>, <Москва – столица>, <Великий государь>, <поведение>, <семейные торжества>, <обеда>, <служня на крыльце и в передней>, <комнаты>, <доклады>, <дела>, <соборы>, <помещики>, <войско>, <козаки>, <город, его вид>, <службы горожан>, <столкновения>, <село>, <крестьяне>, <необходимость переворота>, <духовенство>, <нравы и обычаи>, <новые учителя>, <раскол>, <поворот на новый путь>, <театр>, <литература>.

Научная интуиция позволила С.М. Соловьеву выделить наиболее общие связи и отношения, которые реализуются в системе противопоставлений: в структуре практически каждого слота наблюдается бинарное соотношение компонентов: <Восточная – Западная Европа>, <выходы и походы>, <служня: на крыльце – в передней> <кормление: воевод – подьячих> <лучшие – меньшие люди> <борьба между ними> [...]. Конфликтная ситуация вырисовывается в ходе парадигматического выстраивания концептов, указывающих на противостоящие силы; конфликт, таким образом, оказывается „встроенным”

⁴ В.О. Ключевский, *Литературные портреты*, Москва 1991, с. 218.

⁵ С.М. Соловьев, *Сочинения*, книга VII, *Истории России с древнейших времен*, т. XIII–XIV, Москва 1991, с. 7.

в структуру государственного устройства. Проверим наше наблюдение вычлениением данной „матрицы” в синтагматическом плане текста. Действительно, обнаруживается ее реализация: „Русская земля всколебалась и замутилась, русский народ после семивекового движения на восток круто начал движение на запад; поворота, нового пути для народной жизни требовало банкротство экономическое и нравственное. Раздались голоса необходимости приобрести средства, которые бы сделали народ сильным, снискали ему уважение других народов, дали бы ему богатство и подняли его нравственность; раздались голоса о необходимости учиться...”⁶.

Таким образом, вывод о „разрыве”, „расколе” делается С.М. Соловьевым на основе выстраивания глубинных структур в историческом дискурсе, которые реализуются на поверхностном уровне; в результате наблюдается их единство и координация⁷.

Ученик С.М. Соловьева В.О. Ключевский приблизительно так же строит свои знаменитые лекции. Но фрейм, предшествующий тексту, короче, текст уже делится на рубрики, относительно соответствующие слотам фрейма. Так, лекция XVII, касающаяся „образования великорусского племени”, строится на рассмотрении взаимодействия последнего с „чуждью” (в данном случае, с финнами – рассматривается общение, быт, язык, обычаи, верования), ведется анализ физических, психологических особенностей становления этнического типа. Интересно отметить тот факт, что Ключевский стремится выделить закрепленные структуры этого взаимодействия, и в первую очередь находит их в языке. Он отмечает: „Образование говоров и наречий – это звуковая, вокальная летопись народных передвижений и местных группировок населения. Древняя фонетика Киевской Руси особенно заметно изменилась в северо-восточном направлении, то есть в направлении русской колонизации, образовавшей великорусское племя слиянием русского населения с финским”⁸. В связях с языком рассматриваются поверья, анализируется их взаимодействие, исследуется быт, религиозное сознание⁹.

Интересно отметить и тот факт, что анализу формирования великорусской нации предшествует мысль о разрыве народности, то есть выделяется „скрытый коренной факт изучаемого периода: этот факт состоит в том, что русская народность, завязавшаяся в первый период в продолжение второго, разорвалась надвое”¹⁰.

Итак, несмотря на установку на „глобальную” историю, Ключевский внутренне строит ее как систему тотальных историй, находящихся в связях друг с другом. Исследователями отмечается, что лекции ученого „написаны

⁶ Там же, с. 172.

⁷ В.О. К л ю ч е в с к и й, *Русская история. Полный курс лекций*, Ростов-на-Дону 2000.

⁸ Там же, с. 276.

⁹ Там же, с. 284.

¹⁰ Там же, с. 268.

изумительным по точности и красоте языком и представляют собой не только великое историческое исследование, но и истинный шедевр русской литературной прозы”¹¹. Таким образом, текст строится на антиномии – типичная наррация на уровне художественной прозы и внутренняя деконструкция нарратива, интуитивное выделение страт, структурирование истории, способствующее пробросу к исследованиям второй половины XX века и даже предвосхищающее их.

В результате определяется закономерность, позволяющая провести аналогию с авангардистскими типами текстов, также имеющих знаковый характер: в авангардистском типе текста в основную структурную позицию фактически ставится изнанка структуры классического текста – вертикальные связи и отношения. Горизонтальные связи дописываются в процессе его прочтения. Классический текст – синоним синтагматики, авангардистский – парадигматики. Желательное соотношение – установление единства наррации и внутреннего вертикального структурирования. Различие подходов в том, что доминирует: парадигматика или синтагматика.

Семиотический подход в истории, с его стратами и парадигматикой, – это постановка в основную структурную позицию внутренних структур глобального дискурса, возможное рассмотрение их в системе противопоставления (опозиционный анализ), определение знакового характера исторических событий, реалий. Таким образом, в семиотическом подходе имеют место выкристаллизовавшиеся устойчивые схемы, их обнаружению способствовало сближение истории с такими дисциплинами, как логика (Ч. Пирс) и лингвистика (Ф. де Соссюр). „Семиотика, – пишет Ю.С. Степанов, – открыла и исследует сходство языка и литературы – как искусства, основанного на языке”¹².

Классическое искусство, считает Р. Барт, не способно было ощутить себя в качестве языка, ибо оно само было языком. „Письмо, – по мнению ученого, – пережило все этапы постепенного отвердевания, сделавшись сначала объектом разглядывания, затем производства и, наконец, убийства, ныне оно пришло к конечной точке своей метаморфозы – к исчезновению”¹³. По Барту, литературные тексты – поле действия общих закономерностей языка. Письмо, в толковании Барта, организует означающее не на плоскости, но сообщает ему „объем”, как бы дает иерархическое членение. Тексты постмодерна спешат зафиксировать это состояние: часто они представляют собой застывшие или деконструируемые структуры. Таким образом, механизмы, управляющие организацией разных типов дискурса, в основе своей сходны, поэтому структурализм, исследующий язык как структурно-системное образование, оказался применимым для описания разных типов дискурсов, которые также находят свое выражение в языке.

¹¹ С.Г. Горьянов, *Обыкновенный гений*, там же, с. 12.

¹² Ю.С. Степанов, *В мире семиотики. Семиотика*, Москва 1983, с. 6.

¹³ Р. Барт, *Нулевая степень письма*. В: В.О. Ключевский, *Русская история*, указ. соч., с. 308.

В. Дильтей считал, что история человека кристаллизуется в структуре жизнеосуществления, которая, в свою очередь, является основанием его жизненной динамики. „История образует, таким образом, не дополнительный элемент, приводящий к некоей статической структуре, а определяющий способ осуществления жизни, которая артикулирует в модусах времени”¹⁴. Образ исторического мира – это продукт исследовательской работы, а не отражение объективной данности некоего независимого процесса. „Историю *пишут* (курсив автора – К. Ш.) историки, то есть создают связь преемственности событий, которые сами по себе еще не составляют историю...”¹⁵. По мнению В. Дильтея, важен процесс артикуляции предшествующих научной рефлексии актов практического жизнеосуществления в структурах научного познания. Эти структуры, как видим, наиболее явно вырисовываются в построении семиотического дискурса. Семиотика позволяет выявить фундаментальные антропологические характеристики, обеспечивающие „кумуляцию и трансляцию культурного опыта”, способствует решению проблем соотношения универсального и специфического, „униформного” и многообразного в культуре, увеличивает эвристический потенциал знания. Историк использует стереотипные наборы критериев, которые позволяют определить семантические категории для ограниченной социокультурной группы, объединенной совместно пережитым опытом. И поскольку знак воспринимается на основе локального, внутренне пережитого опыта ограниченной группы, он апеллирует „к объединяющим эту группу местным, интимно ассоциативным механизмам сознания”¹⁶. „В нем всегда есть нечто, не исчерпывающееся рациональной и поэтому всеобщей логикой, нечто эмоциональное и не до конца формулируемое, а восприятие его предполагает актуализацию таких оборотов памяти, которые коренятся в социальном подсознании, и самим воспринимающим далеко не всегда осознаны логически”¹⁷.

Итак, структура исторического дискурса, „языка истории” в определенной степени изоморфна природному языку. Язык – не только средство приобретения и передачи знаний, но и их опредмечивание; происходящее в его структуре, сверх того, – это и определенная жизненная форма, форма существования дискурса. Кто умеет пользоваться языком, тот пользуется определенной стратегией ориентации в мире, имеет возможность осуществлять определенную интерпретацию среды, пользоваться определенной схемой поведения. В то же время не следует забывать, что всякая система частична, что в систему организуется всегда лишь одна какая-то отдельная часть мира знаков, тогда как семиотическое поле, охватывающее социально-историческую практику и культуру в целом, исторически открыто.

¹⁴ См.: Н.С. П л о т н и к о в, *Жизнь и история*, Москва 2000, с. 107.

¹⁵ Там же, с. 158.

¹⁶ Г.С. К н а б е, *Древний Рим – история и повседневность*, Москва 1986, с. 10.

¹⁷ Там же, с. 13.